

УДК 347.5

DOI: 10.34670/AR.2024.70.35.025

Крайняя необходимость в гражданском, уголовном и административном законодательстве: сравнительный анализ

Мирзаханян Геворг Володяевич

Аспирант кафедры гражданско-правовых дисциплин,
Российский государственный университет
нефти и газа им. И.М. Губкина,
119991, Российская Федерация, Москва, Ленинский пр., 65;
e-mail: mirzakhanyangv@economy.gov.ru

Аннотация

Целью настоящей статьи является комплексный анализ проблем реализации норм о крайней необходимости в отраслях административного, гражданского и уголовного права. В результате исследования делается вывод о том, что институт крайней необходимости в различных отраслях права различается по целевому характеру, используемым правовым механизмам, а также правовым последствиям. Так, в уголовном и административном праве крайняя необходимость связана с соотношением причиненного вреда и предотвращенного. В гражданском праве институт крайней необходимости базируется на презумпции возмещения вреда лицом, причинившем вред. В административном и уголовном праве используется конструкция превышения пределов крайней необходимости, выход за рамки которой является противоправным. В гражданском праве используется конструкция соразмерности, которая закреплена в качестве отдельной нормы про самозащиту права. Целевой характер института крайней необходимости в уголовном и административном праве направлен на непривлечение лица, совершившего деяние, к уголовной и административной ответственности, в гражданском праве институт крайней необходимости направлен на реализацию компенсаторной функции.

Для цитирования в научных исследованиях

Мирзаханян Г.В. Крайняя необходимость в гражданском, уголовном и административном законодательстве: сравнительный анализ // Вопросы российского и международного права. 2024. Том 14. № 1А. С. 192-198. DOI: 10.34670/AR.2024.70.35.025

Ключевые слова

Крайняя необходимость, гражданское право, административное право, уголовное право, причинение вреда.

Введение

Крайняя необходимость представляет собой правовую конструкцию, когда субъект правоотношений, сталкиваясь с угрозой личным, общественным, государственным и иным интересам, имеет право на причинение вынужденного вреда менее значимым интересам.

Крайняя необходимость как институт права имеет конституционно-правовую основу. Так, ч.2 ст.45 Конституции Российской Федерации закрепляет право каждого на защиту своих прав любым не запрещенным законом способом, в том числе право на самозащиту.

Институт крайней необходимости детализируется в различных отраслях как публичного, так и частного права.

Институт крайней необходимости в гражданском праве

В гражданском праве нормы о крайней необходимости содержат довольно общую формулировку собственно действий в состоянии крайней необходимости, под которыми понимается «устранение опасности, угрожающей самому причинителю вреда или другим лицам, если эта опасность при данных обстоятельствах не могла быть устранена иными средствами» (ст. 1067 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее - ГК РФ).

Как замечают некоторые ученые, особенностью института крайней необходимости в гражданском праве является то, что ст. 1067 ГК РФ указывает лишь на способ возмещения уже причиненного вреда: «учитывая обстоятельства, при которых был причинен такой вред, суд может возложить обязанность его возмещения на третье лицо, в интересах которого действовал причинивший вред, либо освободить от возмещения вреда полностью или частично как это третье лицо, так и причинившего вред», в то время как характер самой опасности, вызвавшей вред, определяется в отраслях публичного права [Южанин, 2020].

Важно дополнить, что в ст. 1067 ГК РФ не упоминается, что вред, причиненный в состоянии крайней необходимости, должен быть менее значителен, чем вред предотвращенный (этот критерий напрямую упоминается в нормах и уголовного, и административного права). Это не означает, что данное правило не распространяется на институт крайней необходимости в гражданском праве. Действия в состоянии крайней необходимости регулируются также и общей нормой – ст. 14 ГК РФ, которая посвящена самозащите гражданских прав и содержащей требование соразмерности. Принципиальное отличие института крайней необходимости в гражданском праве от аналогичных институтов в уголовном и административном праве заключается в том, что установление факта, что лицо действовало в рамках крайней необходимости, делает невозможным его привлечение к уголовной и (или) административной ответственности, в то время как в гражданском праве причиненный вред все равно должен быть возмещен (установлена презумпция возмещения вреда).

Такое отличие является экономически обоснованным, поскольку потерпевшее лицо имеет право на возмещение вреда и понесенных убытков от лица, причинившего вред. При этом лицо, действующее в состоянии крайней необходимости, может защищать не только свои интересы при причинении вреда, но и интересы других лиц, общественные и государственные интересы.

В таком случае закон наделяет суд дискреционными полномочиями по возложению обязанности возместить причиненный вред на третье лицо, в интересах которого действовал причинитель вреда. При этом важно, что наличие или отсутствие обстоятельств, освобождающих причинителя вреда от ответственности, входит в предмет доказывания по данной категории дел [Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 10

января 2001 г. № 5737/00]. Таким обстоятельством, например, может быть самозащита, если действия, причинившие вред, были совершены в целях защиты себя или других лиц от непосредственной угрозы опасности, при этом причиненный вред является незначительным.

В доктрине достаточно давно существует спор о том, всегда ли суд должен возложить обязанность возместить причиненный вред на лицо, в интересах которого действовал причинитель вреда [Южанин, 2015]. Так, В.П. Грибанов выступал за то, что такая обязанность не должна возлагаться на суд, поскольку институт крайней необходимости направлен, прежде всего, на реализацию компенсаторной функции. Данная позиция является спорной, поскольку снижает мотивацию причинителя вреда действовать для предотвращения большего вреда в отсутствие каких-либо законодательных гарантий возмещения вреда со стороны того, в интересах кого он действует. По сути, в таком случае лицо может лишь надеяться, что третье лицо, в интересах которого был причинен вред, согласится компенсировать все убытки и будет действовать добросовестно. Целесообразно в данном случае обеспечить законодательную возможность регрессных требований причинителя вреда к тому, в чьих интересах он действовал.

В судебной практике мы встречаем примеры, когда суды не используют возможность освобождения причинителя вреда от ответственности, ссылаясь на то, что причинитель вреда не предпринял всех необходимых и достаточных действий для предотвращения вреда [Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 19.12.2023 № Ф09-8523/23 по делу № А60-23630/2023], в частности, в спорах по возмещению вреда, причиненного недрам или окружающей среде [Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 03.02.2023 № Ф07-22323/2022 по делу № А52-963/2022].

Противоположным примером может служить определение, вынесенное Высшим Арбитражным судом РФ, согласно которому истцу – ОАО "Ростовэнерго" было отказано в удовлетворении иска о возмещении ущерба [Определение ВАС РФ от 18 февраля 2008 г. № 17719/07]. Ущерб был вызван аварийным отключением аварийным отключением энергоснабжения из-за того, что была сорвана тросовая оттяжка опоры. Иск был предъявлен к собственнику сорвавшего оттяжку трактора. Это произошло, когда трактор вспахивал противопожарную полосу, чтобы не допустить возгорания принадлежащего ответчику засеянного поля и принадлежащей истцу территории электроподстанции. Руководствуясь положениями ст. 1067 ГК, суд отказал в удовлетворении иска, так как ответчик, причинивший вред в состоянии крайней необходимости, предотвратил распространение пожара, защитив тем самым не только свое имущество, но и имущество истца. Таким образом, суд руководствовался ключевым для частного права принципом распределительной справедливости.

В доктрине также предлагается предусмотреть в ГК РФ норму об императивном освобождении от ответственности за причинение вреда на тех лиц, в интересах которых действовал причинитель вреда [Туршук, 2011]. Такое предложение выглядит разумным.

Частноправовой характер гражданского права определяет специфику института крайней необходимости (например, его компенсаторную функцию). Теперь обратимся к институту крайней необходимости в публичном праве.

Институт крайней необходимости в уголовном праве

В уголовном праве институт крайней необходимости закреплен в ст. 39 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ). В силу вышеназванной нормы исключается преступность деяния при причинении вреда охраняемым уголовным законом интересам для защиты других интересов

при наличии опасности, «если эта опасность не могла быть устранена иными средствами и при этом не было допущено превышения пределов крайней необходимости».

Однако ч. 2 этой же статьи устанавливает специфическую юридическую конструкцию – превышение пределов крайней необходимости: «причинение вреда, явно несоответствующего характеру и степени угрожавшей опасности, и обстоятельствам, при которых опасность устранялась, когда указанным интересам был причинен вред равный или более значительный, чем предотвращенный». Сами пределы крайней необходимости являются оценочной категорией и соотносятся с ценностями общественных отношений. Например, «характер опасности, создавшейся в результате землетрясения, для уцелевших людей выражается в дальнейшей угрозе их здоровью из-за холода и отсутствия жилья, еды и питья. В такой ситуации вполне допустимо изъять со склада одеяла, воду и продукты питания» [Рарог, Наумов, 2019]. Таким образом, данные действия не будут считаться преступлением.

Оценочность пределов правомерности крайней необходимости ведет к отсутствию единообразия в судебной практике по вопросу наличия или отсутствия крайней необходимости в деянии причинителя вреда [Эркенов, 2017]. Кроме того, существуют проблемы, связанные с ответственностью за превышение пределов крайней необходимости: в уголовном законодательстве отсутствуют специальные нормы, устанавливающие ответственность за подобное превышение: сейчас такая ответственность наступает по общим составам преступления [Кислицына, 2016]. При этом наличие состояния крайней необходимости и нарушение условий правомерности причинения вреда в таком состоянии согласно п. «ж» ч. 1 ст. 61 УК РФ должно быть учтено судом как обстоятельство, смягчающее наказание.

Таким образом, в уголовном праве институт крайней необходимости связан с исключением преступности совершенного деяния, при ее установлении лицо не подлежит уголовной ответственности.

Институт крайней необходимости в административном праве

В административном праве нормативной основой института крайней необходимости является ст. 2.7 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации (далее — КоАП РФ). Ст. 2.7 КоАП РФ устанавливает, что под причинением вреда охраняемым законам интересам в состоянии крайней необходимости понимается такое причинение вреда, которое направлено на устранение опасности, непосредственно угрожающей личности и правам данного лица или других лиц, а также охраняемым законом интересам общества или государства, если эта опасность не могла быть устранена иными средствами и если причиненный вред является менее значительным, чем предотвращенный вред.

Вышеуказанная норма предусматривает два критерия, которым должна соответствовать крайняя необходимость:

- 1) невозможность устранения возникшей угрозы охраняемым законом интересам иными средствами;
- 2) причиненный вред должен быть менее значительным, чем предотвращенный.

При оценке того, являлось ли причинение вреда охраняемому интересу оправданным, нужно оценивать все обстоятельства дела: так, если для спасения жизни нужно причинить вред определенным имущественным правам, то это считается допустимым, поскольку в соответствии со ст. 2 Конституции РФ человек является высшей ценностью, а в соответствии с ч. 3 ст. 56 – право на жизнь не подлежит ограничению. Следовательно, выбор в пользу

имущественных прав в таком случае недопустим. Таким образом, административное право через институт крайней необходимости защищает в том числе и конституционные права и свободы человека.

В доктрине обсуждается целесообразность выделения института крайней необходимости в административном праве. Е.И. Гончаров считает, что при сравнении институтов крайней необходимости в административном и уголовном праве стоит отметить, что административное правонарушение не несет в себе общественной опасности (иногда упоминается термин «общественная вредность»), поэтому само существование крайней необходимости в административном праве не является целесообразным [Давыденко, 2021]. Однако подобная точка зрения вряд ли является обоснованной. Во-первых, крайняя необходимость используется как способ защиты конституционных прав и свобод, во-вторых, общественная опасность административных правонарушений хоть и не выделяется законодателем, но все равно существует: пусть она и меньше, чем у преступлений, но это связано с преобладанием формальных составов административных правонарушений [Згайр, 2022]. Наконец, цель института крайней необходимости как в административном, так и в уголовном праве – освободить лицо, причинившее вред, от ответственности. К тому же, институт крайней необходимости является самостоятельным институтом в рамках административного права, в силу чего кажется некорректным говорить о нецелесообразности существования института крайней необходимости в административном праве только из-за различий в понимании материального признака преступления и административного правонарушения.

Таким образом, можно говорить о том, что институт крайней необходимости в административном праве схож с аналогичным институтом в уголовном праве как по целям, так и по используемым механизмам (пределы крайней необходимости) и направлен на защиту прав и охраняемых законом интересов.

При этом стоит провести и различия, существующие в этих отраслях права. Как уже было сказано, в уголовном праве используется понятие превышения пределов крайней необходимости – причинение такого же или большего вреда чем вред предотвращенный. Однако превышение указанных пределов влечет ответственность только при умышленном причинении вреда, в соответствии с принципом вины, закрепленном в ст. 5 УК РФ. В административном же праве нарушение условия о соразмерности вреда влечет ответственность вне зависимости от формы вины. Также важно упомянуть и о субъектном различии – к уголовной ответственности, в отличие от административной не могут привлекаться юридические лица.

Заключение

Подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод о том, что сущность института крайней необходимости в уголовном и административном праве базируется на соотношении причиненного вреда и предотвращенного, при этом причинитель вреда не может быть привлечен к ответственности при доказанности соразмерности причиненного вреда. Также в административном и уголовном праве используется конструкция превышения пределов крайней необходимости, выход за рамки которой является противоправным. При этом в административном праве нарушение условия о соразмерности вреда влечет ответственность вне зависимости от формы вины. В гражданском праве институт крайней необходимости базируется на презумпции возмещения вреда лицом, причинившим вред. Бремя доказывания

обстоятельств, которые могут служить основанием для освобождения от возмещения вреда, лежит на причинителе вреда. При этом суд имеет право, но не обязан освобождать причинителя вреда от гражданско-правовой ответственности. В связи с этим было бы целесообразно закрепить на уровне ГК РФ норму о возможности предъявления регрессного иска причинителем вреда, возместившим вред, к лицу, в интересах которого он действовал. Целевой характер института крайней необходимости в уголовном и административном праве направлен на непривлечение лица, совершившего деяние, к ответственности, в гражданском праве институт крайней необходимости направлен на реализацию компенсаторной функции. Более того, гражданское законодательство изначально построено на принципе распределяющей справедливости (*corrective justice*) которая призвана скорректировать существующий дисбаланс при взаимодействии сторон: ст.1067 ГК РФ наделяет суды дискреционными полномочиями – если суд установит, что лицо, причинившее вред и действовавшее в состоянии крайней необходимости действовало в интересах другого лица, то обязанность возместить вред может быть возложена именно на это третье лицо (то есть действует именно принцип корректирующей справедливости).

Библиография

1. Давиденко К. Е. К вопросу о допустимости необходимой обороны при защите от посягательств, имеющих признаки административного правонарушения // *Modern science*. 2021. № 5–3.
2. Згайр Х.К. Актуальные проблемы крайней необходимости в административном праве // *Молодой ученый*. 2022. № 22
3. Кислицына М.Г. Проблемы института крайней необходимости в уголовном праве // *Инновационная наука*. 2016. №8-3. С. 43.
4. Основные положения гражданского права: постатейный комментарий к статьям 1-16.1 Гражданского кодекса Российской Федерации / Отв. ред. А.Г. Карапетов. М.: Статут, 2020.
5. Рарог А.И., Наумов А.В. и другие. Постатейный комментарий к Уголовному кодексу РФ. 2-е издание, исправленное и дополненное. М.: Эксмо, 2019.
6. Туршук Л.Д. Гражданско-правовая ответственность за вред, причиненный жизни или здоровью гражданина. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. С-Пб. 2011.
7. Южанин Н.В. Меры защиты в состоянии крайней необходимости // *Пенитенциарная наука*. 2015. №4.
8. Эркенов Х.А. Проблема ответственности при крайней необходимости // *Отечественная юриспруденция*. 2017. №5.
9. Mäkinen V. Rights and duties in late scholastic discussion on extreme necessity // *Transformations in medieval and early-modern rights discourse*. – 2006. – С. 37-62.
10. Belovics E. Proportionality in extreme necessity // *Iustum Aequum Salutare*. – 2014. – Т. 10. – С. 127.

The institution of extreme necessity in civil, criminal, and administrative law: comparative analysis

Gevorg V. Mirzakhanyan

Postgraduate student of the Department of Civil Law Disciplines,
National University of Oil and Gas,
119991, 65, Leninskii ave., Moscow, Russian Federation;
e-mail: mirzakhanyangv@economy.gov.ru

Abstract

As a result of the study, it is concluded that the institution of extreme necessity in various branches of law differs in its intended nature, the legal mechanisms used, as well as legal consequences. Thus, in criminal and administrative law, the extreme necessity is related to the ratio of harm caused and prevented. In civil law, the institution of extreme necessity is based on the presumption of compensation for harm by the person who caused the harm. In administrative and criminal law, the construction of exceeding the limits of extreme necessity is used, going beyond which is illegal. In civil law, a mechanism of proportionality is used, which is fixed as a separate rule about self-defense of law. The targeted nature of the institution of extreme necessity in criminal and administrative law is aimed at not bringing the person who committed the act to criminal and administrative responsibility, in civil law, the institution of extreme necessity is aimed at implementing a compensatory function.

For citation

Mirzakhanyan G.V. (2024) Krainyaya neobkhodimost' v grazhdanskom, ugovnom i administrativnom zakonodatel'stve: sravnitel'nyi analiz [The institution of extreme necessity in civil, criminal, and administrative law: comparative analysis]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 14 (1A), pp. 192-198. DOI: 10.34670/AR.2024.70.35.025

Keywords

Extreme necessity, civil law, administrative law, criminal law, causing harm.

References

1. Davidenko K. E. On the issue of the admissibility of necessary defense when protecting against attacks that have signs of an administrative offense // *Modern science*. 2021. No. 5–3.
2. Zgair H.K. Current problems of extreme necessity in administrative law // *Young scientist*. 2022. No. 22
3. Kislitsyna M.G. Problems of the institution of extreme necessity in criminal law // *Innovative science*. 2016. No. 8-3. P. 43.
4. Basic provisions of civil law: article-by-article commentary to articles 1-16.1 of the Civil Code of the Russian Federation / Rep. ed. A.G. Karapetov. M.: Statute, 2020.
5. Rarog A.I., Naumov A.V. and others. Article-by-article commentary to the Criminal Code of the Russian Federation. 2nd edition, corrected and expanded. M.: Eksmo, 2019.
6. Turshuk L.D. Civil liability for harm caused to the life or health of a citizen. Author's abstract. dis. ...cand. legal Sci. St. Petersburg 2011.
7. Yuzhanin N.V. Protective measures in a state of extreme necessity // *Penitentiary science*. 2015. No. 4.
8. Erkenov H.A. The problem of liability in cases of extreme necessity // *Domestic jurisprudence*. 2017. No. 5.
9. Mäkinen V. Rights and duties in late scholastic discussion on extreme necessity // *Transformations in medieval and early-modern rights discourse*. – 2006. – C. 37-62.
10. Belovics E. Proportionality in extreme necessity // *Iustum Aequum Salutare*. – 2014. – T. 10. – C. 127.